

Леонтьев А. Н.,

викладач, перекладач

Міжнародний гуманітарний університет (Одеса)

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье анализируются особенности поэтического перевода в «творческо-технологическом» аспекте с точки зрения непосредственно автора-переводчика.

Ключевые слова: перевод, поэзия, выбор оригинала для перевода, сотворчество

Актуальность. Проблема поэтического перевода является по-прежнему актуальной на современном этапе развития науки переводоведения, что связано и с развитием новых подходов и методов перевода, и с переосмыслением действительности через призму вечных поэтических ценностей, которая всякий раз для переводчика открывается по-новому, в зависимости от контекста времени, ставящего переводчика в ситуацию экзистенциального художественного выбора, требующего от него не только раскрытия своих возможностей, но и сохранения целостности художественного мира автора оригинала и его преобразования в новую гармоническую реальность.

Многие корифеи перевода И. Франко, М. Лозинский, С. Маршак, И. Мандельштам, К. Чуковский посвятили десятки страниц не только практическому переводу, но и анализу переводческого мастерства, достаточно вспомнить, например, книгу К. Чуковского «Высокое искусство», или работы И. Франко, М. Лозинского, М. Цветаевой.

Необходимо также отметить, что данная проблема актуальна сегодня не только в теоретическом аспекте, но и в области практического перевода стихотворных текстов.

Действительно, существуют ли универсальные принципы поэтического перевода, или переводчик вновь и вновь должен изобретать что-то новое, уникальное, особое для передачи на родной язык поэтического иноязычного текста?

В данной статье делается попытка приоткрыть дверь творческой мастерской переводчика, и отметить некоторые характерные особенности метода поэтического перевода, как особого вида перевода, а также делается попытка выявить некоторые особенности творческого метода переводчика, стилистические и языковые приемы и средства, которые помогают переводчику адекватно передавать смысл оригинала.

Несмотря на значительную разработанность отдельных аспектов интересующей нас проблемы, остается неясным ряд вопросов, прежде всего, как формируется в сознании переводчика тот или иной «экзистенциальный выбор» художественного образа, что является первичным и приоритетным при окончательном редактировании текста-перевода, какова роль интонации, музыкальной структуры стиха оригинала, эти, и многие другие вопросы,

полагаем, только подчеркивают актуальность данного исследования.

Объект исследования — поэтический перевод. **Предмет** — особенности поэтического перевода. **Цель** — выявить характерные признаки поэтического перевода, как особенного метода художественного перевода.

Задачи:

1. определить воздействие творческой индивидуальности автора на творческую актуализацию переводчика;

2. определить возможность создания универсальных принципов поэтического перевода.

Теоретико-методологическая база:

- психология творчества;
- литературно-исторический подход;
- интегративный подход;
- современная методология научного познания;
- теоретические и методологические подходы

к лингвистическому анализу текста.

Предполагаемая база исследования: авторские переводы английских поэтов 16-20 веков.

Методы исследования:

1. историко-литературный.
2. биографический.
3. психолингвистический.
4. формально-лингвистический.
5. метод стилистической интерпретации текста.

Ожидаемая научная новизна:

1. сформулировать концепцию взаимосвязи отбора исходного текста и перевода через восприятие и творческие предпочтения переводчика;

2. выявить функцию экзистенциального отбора текста оригинала, как фактора формирования творческой позиции переводчика.

Практическое значение

Полученные результаты позволяют:

1. Разработать программу семинаров по таким предметам, как «Теория перевода» и «История перевода», на которых могут быть практически продемонстрированы некоторые характерные особенности и приемы поэтического перевода.

В данной статье представляется выборочно краткий обзор переводов некоторых выдающихся английских поэтов (драматургов, писателей) 16-20 веков, а также делается попытка проанализировать особенности поэтического перевода в некоем «творческо-технологическом» аспекте, с точки зрения непосредственно автора-переводчика.

В 2009 году я стал дипломантом Турнира переводов в Лондоне, который проходил в рамках 7-го Международного фестиваля русской поэзии и культуры «Пушкин в Британии» — крупнейшего форуме поэзии русского зарубежья. В Лондонском Ковент-Гарден, в «Храме Поэтов» (St. Giles' Poets'

Church) 19 поэтов из 9 стран мира сразились за титулы «Король Поэтов» и «Король поэтического перевода». На 1-й Турнир поэтического перевода был вынесен ранее никогда не переводившийся ранее на русский язык 5-й сонет из поэмы Шекспира (1564- 1616) к разным музыкальным нотам» ('Sonnets to sundry notes of music').

В связи с переводом первого конкурсного стихотворения, который я осуществил, хотелось бы заметить, что английский язык XVI — начала XVII веков по произношению отличался от современного языка. Но происшедшие в нем изменения чаще всего не затрагивают ритмическую структуру слова, и стих Шекспира не нарушается, когда мы читаем его так, как это принято в современном языке. Исключения составляют сравнительно редкие случаи, когда изменилось ударение или количество слогов в слове, что обычно обнаруживается в строении стиха, и тогда для восстановления его ритмической структуры необходимо использовать историческую форму слова.

Рифма в большинстве случаев сохраняется, так как фонетические изменения проходили закономерно, и звуки, находящиеся в одинаковом окружении, подверглись тождественным изменениям. Правда, иногда, хоть и довольно редко, рифма теряется, так как слова, рифмовавшиеся во время Шекспира, развивались в фонетическом отношении неодинаково. Сравните, например окончание первых двух строк стиха:

'Live with me, and be my love, And we will all the pleasures prove'

«О, не покинь меня любовь, С тобой изведем мы вновь»

Здесь слово *love* произносится как [luv] и рифмовалось с *move*. Эта рифма повторяется в стихотворении еще дважды. Например, 'And if these pleasures may thee *move*, Then live with me and be my *love*'. «И если рай сей испытаем вновь, Продлится вечно юная любовь».

William SHAKESPEARE
SONNETS
TO SUNDRY NOTES OF MUSIC
V.

Live with me, and be my love,
And we will all the pleasures prove
That hills and valleys, dales and fields,
And all the craggy mountains yields.

There will we sit upon the rocks,
And see the shepherds feed their flocks,
By shallow rivers, by whose falls
Melodious birds sing madrigals.

There will I make thee a bed of roses,
With a thousand fragrant posies,
A cap of flowers, and a kirtle
Embroider'd all with leaves of myrtle.

A belt of straw and ivy buds,
With coral clasps and amber studs;
And if these pleasures may thee move,
Then live with me and be my love.

LOVE'S ANSWER.

If that the world and love were young,
And truth in every shepherd's tongue,
These pretty pleasures might me move
To live with thee and be thy love.

Вильям ШЕКСПИР
СОНЕТЫ
К РАЗНЫМ МУЗЫКАЛЬНЫМ НОТАМ
V.

О, не покинь меня любовь,
С тобой изведем мы вновь
Восторг, что во сто крат сильнее,
Красы долин, холмов, полей.

Над скалами в блаженстве воспаря,
Увидим мы, как кормятся, бродя
Стада у самых звонких перекатов,
Где пенье птиц сливается в легато.

Сплету тебе я колыбель из роз,
Окутав ароматом сладких грёз.
Цветами мирта я тебя украшу,
Из колосков янтарных пашен.

Унизав их бутонами плюща,
Я вытку ткань для твоего плаща;
И если рай сей испытаем вновь,
Продлится вечно юная любовь.

ОТВЕТ ЛЮБВИ:

Если вечно продлится сей миг,
И обманывать ты не привык,
Обнимай меня крепче тогда,
И я буду твоя навсегда.

Великого английского поэта Джорджа Гордона Байрона (1788-1824) переводили много. Стихотворение «Не бродить уж нам с тобою» ('So we'll go no more a-roving') впервые опубликовано в сборнике *Letters and Journals*, 1830, Vol.II. Оно было включено Байроном в письмо Томасу Муру из Венеции от 28 февраля 1817 года, где Байрон рассказывал о венецианском карнавале, завершившемся 18 февраля: «Карнавал — собственно, последние его дни, когда я очень поздно ложился, — несколько утомили меня. Но он прошел — наступил пост, а с ним воздержание и церковные песнопения. Карнавал завершился маскарадом в Фениче (*Опера, где Байрон абонировал ложу*), где я тоже присутствовал, как и в большинстве *ridotto* (*клубов* (ит.)) и пр., хотя в целом не так уж много беспутничал; просто «клинок стал изнашивать ножны» — а ведь мне исполнилось всего двадцать девять лет». Далее следовал текст стихотворения.

Стихотворение переведилось на русский язык В.С. Лихановым, И. Гербелем, С. Маршаком, а также Я. Берлиной и Ю. Вронским.

Драматическая тема любви подается Байроном в ореоле романтической грусти, поэт изящно играет светотенью, образами дня, ночи, сравнения и метафоры его, на первый взгляд, настолько просты, органичны, естественны, что в процессе перевода,

который превращается в бесконечное редактирование, ищешь именно это соответствие, как образное, так и звуковое. При переводе стихотворения особенно ощущается разница английского языка, который содержит множество кратких словоформ, и русского, с его обилием многосложных слов.

BYRON
SO WE'LL GO NO MORE A-ROVING

So we'll go no more a-roving
So late into the night,
Though the heart still be as loving,
And the moon still be as bright.

For the sword outwears its sheath,
And the soul outwears the breast,
And the heart must pause to breathe,
And love itself have rest.

Though the night was made for loving,
And the day returns too soon,
Yet we'll go no more a-roving
By the light of the moon.

БАЙРОН
НЕ БРОДИТЬ УЖ НАМ С ТОБОЮ

Не бродить уж нам с тобою
Поздно под луной,
Хоть душа полна любовью,
Яркою игрой.

Меч сточился в ржавых ножнах.
Старит грудь душа,
Да и сердце уж не может
Пламенем дышать.

Пусть любовь в ночи родится,
Но уж скоро день,
В лунной дымке растворилась
Двух влюблённых тень.

Более ста лет понадобилось английскому правосудию, чтобы снять с Оскара Уайльда (1854-1900) обвинения в аморальности, из-за которых этот блистательный писатель и драматург был приговорен к двум годам каторжной тюрьмы. Более ста лет английский официоз (снобы, фарисеи и филистеры, как Викторианской эпохи, так и Нового времени) не мог смириться с тем, что в конце 19-го века Уайльд бросил ему вызов.

В это трудно поверить, но до самого начала 21-го века, Англия, на благодатной почве которой возникла молодежная контркультура 50-х, 60-х, 70-х годов, да и в какой-то степени 80-х годов 20-го века, Англия, которая подарила миру весь этот пресловутый наркотический «молодежный бунт», с хиппи, панками, легендарной рок-музыкой, авангардным театром, поэзией, литературой, более ста лет не признавала одного из самых замечательных европейских поэтов, писателей, драматургов, всячески вымарывая из литературных антологий и

энциклопедий любую информацию о нем. И только когда во многих странах мира уже разрешили однополые браки, а парады гомосексуалистов стали обычным делом даже в ортодоксальной Москве и Киеве, тогда англичане, стыдливо скосив взгляд, все-таки приняли решение и оправдали Уайльда, как правосудие, так и католическая церковь, в лоно которой Уайльд перешел незадолго до своей смерти в Париже.

До сих пор на доме, в котором жил Уайльд в Лондоне, установлена мемориальная доска, на которой начертано только одно слово 'Wit' («Ум»), а на парижском кладбище Пер-ла-Шез туристам, которых ведут к захоронению Эдит Пиаф, когда они на мгновение останавливаются у гранитного сфинкса, на котором выбито имя 'O.Wilde', до сих пор рассказывают басни о каком-то эпатажном то ли эстете, то ли эстетике... Думается, и это пройдет, и каждый получит по заслугам то, что должно ему во времени, в том числе будет расти и шириться слава Оскара Уайльда — и как автора знаменитого романа «Портрет Дориана Грея», британская экранизация которого состоялась в этом (2010) году, и как автора оригинальных литературных сказок, и как непревзойденного драматурга, перед которым преклонялся сам Б. Шоу, и как блистательного парадоксалиста и остролова, в присутствии которого тот же Шоу, по его словам, всегда вынужден был замолчать, и как поэта, несмотря на пристрастную критику, которая последовала за выходом его первого сборника 'Poems' (1881).

Конечно, в эту эпоху еще творил Суинберн, а эхо славы Бодлера и Рембо еще гулко катилось по Европе, и все же, думается, что и среди этих имен у Оскара Уайльда есть и свое достойное место, и одного этого уже будет достаточно, чтобы в веках оправдать его не только перед лицом английской публики, которая рано или поздно избавится от пуританских штампов, нет, поэзия Оскара Уайльда оправдывает его не только перед ними, но и перед ликом Времени, и, наверняка, составит ему в веках бессмертие.

Впервые стихи О. Уайльда появляются в студенческих журналах (1876), когда он учился в Дублинском колледже Троицы, а в 1878 году он получает в Оксфорде университетскую премию за поэму «Равенна». Три года спустя, в 1881 году вышел в свет его сборник «Стихотворения» ('Poems').

Лирические стихи относятся раннему периоду творчества О. Уайльда. В дальнейшем при переизданиях он незначительно исправлял и дополнял сборник «Стихотворения».

Стихотворение «Утреннее впечатление» ('Impression du matin') опубликовано впервые в лондонском журнале «Мир», 1881 г., невольно вспоминаются картины импрессионистов, Клода Моне, Ренуара, Дега, Камиля Писсарро, но поэт здесь не ограничивается только живописью, драматургия образная «перетекает» в драму человеческую, и от этого смысл стиха углубляется многократно.

«Истинное знание» ('The true knowledge') опубликовано впервые в «Ирландском ежемечаснике» в 1876 г.

Сложность и трудность постижения одной души другой, радость от узнавания и приятия, постижение вечности, все эти темы переплетаются в подтексте этого прекрасного стихотворения.

Oscar WILDE
THE TRUE KNOWLEDGE

Thou knowest all; I seek in vain
What lands to till or sow with seed -
The land is black with briar and weed,
Nor cares for falling tears or rain.

Thou knowest all; I sit and wait
With blinded eyes and hands that fail,
Till the last lifting of the veil
And the first opening of the gate.

Thou knowest all; I cannot see.
I trust I shall not live in vain,
I know that we shall meet again
In some divine eternity.

ОСКАР УАЙЛЬД
ИСТИННОЕ ЗНАНИЕ

Ты знаешь всё; а я брожу во тьме
Ища напрасно, что вспахать, где сеять —
Земля черна, чертополохом веет,
Ей всё равно, в слезах быть, иль в дожде.

Ты знаешь всё; а я сижу и трушу
Слепец, чей дух давно уже сгорел,
В надежде, что поднимется предел
И отворится дверь в иную душу.

Ты знаешь всё; а я совсем ослеп.
Но верю я, что прожил не напрасно,
И знаю, наша встреча будет страстной
В той вечности, где только свет.

IMPRESSION DU MATIN

THE Thames nocturne of blue and gold
Changed to a Harmony in grey:
A barge with ochre-coloured hay
Dropt from the wharf: and chill and cold

The yellow fog came creeping down
The bridges, till the houses' walls
Seemed changed to shadows, and S. Paul's
Loomed like a bubble o'er the town.

Then suddenly arose the clang
Of waking life; the streets were stirred
With country waggons: and a bird
Flew to the glistening roofs and sang.

But one pale woman all alone,
The daylight kissing her wan hair,
Loitered beneath the gas lamps' flare,
With lips of flame and heart of stone.

УТРЕННЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Речной ноктюрн лазурно-золотой
Перетекает в серые тона:
Баржа под охрой сена, чуть видна,
Отчаливает в сумрак ледяной.

Тумана льётся жёлтая волна
Мосты, дома всё превращая в тени,
Святого Павла купол в отдаленье
Вдруг всплыл сиреневой звездой.

Раздался цокот золотых подков
Для новой жизни, и трещат уж спицы
Повозок запрудивших город, — птицы
Запели разом на краю коньков.

Лишь женщина, потеряна, одна,
Бредёт под поцелуями рассвета,
И песнь мерцающих огней — допета
Губами пламени, и сердцем из льда.

Хотелось бы утверждать, что Дилан Томас (1914-1953), этот воинствующий нонконформист, продолжил эстетическую традицию О. Уайльда. Но это далеко не так.

Да, у них были общие культурные корни, если говорить именно о глубинной кровно-мифологической связи. Один был ирландцем, другой валлийцем, то есть оба бессознательно черпали образы и мотивы из кельтского мироощущения, кельтской традиции. Да, в обыденной жизни Дилан Томас проявлял себя не менее эпатажно, чем Уайльд. Но, пожалуй, эпатаж, и некое генетическое сродство — это все, что может роднить этих поэтов.

Но, оставив в стороне поиск типологической схожести этих двух авторов, сосредоточимся на переводе стихов Дилана Томаса.

Каков же он Дилан Томас в своих стихах? «Клоун с луны», как озаглавлено одно из его стихотворений, или «щенок», который «ныряет в море». Именно так, в одном письме, он как-то сформулировал свое писательское кредо: "...надо только нырнуть глубоко в себя, как щенок ныряет в море", а потом еще и написал прозаическую книгу автобиографических рассказов «Портрет художника в щенячестве», акцентировав этот аспект творчества.

Не знаю точно, что имел в виду Дилан Томас, но «клоуном с луны», или «щенком» ощущаешь себя именно ты сам, когда берешься переводить его стихи.

Туманная образность, путаные ассоциации, аллюзии, реминисценции, сугубо биографические мотивы, оговорки, и в тоже время мощь, размах, энергия, пронзительные идеи, которые как вспышки озаряют твоё сознание в финальных аккордах стихов; невероятная музыкальность, смелость, всеохватность, мифологизм, и разящая проникающая вневременность, то есть вечность, то есть гениальность, все это есть в его стихах. Но, прежде всего — энергия. Да, энергия буквально брызжет из его стихов.

Стих Дилана Томаса ритмически неоднородный, это и свободный стих, и местами стих рифмованный,

если говорить сугубо о его формальных признаках, но когда пробуешь этот стих переводить эквилинарно и эквиритмично, чему обычно учат в университете, перевод начинает рассыпаться, как карточный домик.

Мне пришлось долго подбирать ключи к формальной передаче его стихов, но, убедившись, что это во многом бессмысленное занятие, я решил переводить не слова, а именно смысл, музыку стиха, внутреннюю интонацию, ритмику души...

'Clown in the Moon' (1953) («Клоун с луны»), пожалуй, одно из самых понятных стихотворений Дилана Томаса. Название, возможно, это еще один ироничный экивок автора.

«Клоун», здесь не просто клоун, а клоун с Луны, что само по себе уже уникально. Поэт сравнивает слезы с 'petals from some magic rose' («лепестками магической розы»). Образ красив, зрим и пластичен, и далее поэт разворачивает и поднимает ассоциативный ряд образов-ощущений, в прямом и иносказательном смысле: 'Of unremembered skies and snows'. Затем неожиданно поэт меняет ракурс видения, будто он и впрямь находится на Луне: 'I think, that if I touched the earth, It would crumble; It is so sad and beautiful, So tremulously like a dream.' («И, мне кажется, если б коснулся земли я, Она бы распалась; Так прекрасно и невыносимо, Как мечта в лунном мерцании».)

Перекрестная рифма оригинала, которая более характерна для русского а не английского стихосложения, путем её сохранения в переводе позволяет добиться ритмического и смыслового соответствия между переводом и оригиналом, сохранить настроение оригинала, его собственную «мелодию».

О чем же это стихотворение? Можем ли рассматривать его, как иносказание, в том смысле, что каждый художник — это клоун, или, что душа художника — это «душа кретина», как в свое время высказался Иван Бунин.

Думаю, в подтексте есть и эти смыслы, но явно Дилан Томас говорит о Красоте, красоте земли, о красоте мечты, о хрупкости нашего бытия, и это, наверне, главная тема.

Хотя, возможно, ему просто пришел в голову красивый образ, а потом накатило чувство, он услышал музыку, и стих сложился, а все остальное досужие домыслы.

«Мое ремесло или печаль искусства» 'In my craft or sullen art' — впервые напечатано в сборнике «Смерти и входы» 'Deaths and Entrances' (1946).

Одно из программных стихотворений Дилана Томаса. Сразу оговорюсь, что этот стих я переводил не дословно, или строка в строку, ориентировался даже не на смысл, но шел именно от музыки, и образности оригинала. Если разбирать этот перевод слово за слово, строка за строкой, то есть так, как разбирать стихи, уверен, не должно, нетрудно обнаружить ряд отступлений от подлинника, но если перечитать оба стихотворения (оригинал и перевод) одно за другим, в любом порядке, нет-нет, да и возникнет вопрос, а не собственно ли авторский это стих?

Тема стиха — это бескорыстное служение искусству.

'In my craft or sullen art Exercised in the still night When only the moon rages And the lovers lie abed With all their griefs in their arms I labour by singing light Not for ambition or bread Or the strut and trade of charms On the ivory stages But for the common wages Of their most secret heart', — пишет Дилан Томас.

Перевожу дословно: «В моем ремесле или мрачном искусстве Рожденном в тишине ночи Когда только луна в гневе И любовники лежат в постели Я тружусь, воспевая свет Не для честолюбия или хлеба Не для напыщенного вида или торговли чарами На подмостках из слоновой кости (на подмостках пребывания в гордом одиночестве) Но за обычную плату Их самых сердечных тайн».

Перевожу поэтически: «В моем ремесле печаль искусства Тихой ночи Когда луна лает от грусти *А слюна горчит На губах раем потерянным* Отлюбивших на простыне Я льюсь в сиянии пения Не ради славы, не на дне *Самодовольства торговца чарами Аквариумного волшебства* Но за обычную плату Таинства их естества».

Формальная цель была сохранить внутреннюю звуковую ритмику оригинала, акцентировав внимание на концовках строк, развернуть в метафору сравнение 'ivory stages', — образ торговца, стоящего в аквариуме, а не на подмостках, как-то родился сам собой; введение фразы «раем потерянным» позволило мне придать еще больше драматичности и объемности смыслу.

И далее у Томаса: 'Not for the proud man apart From the raging moon I write On these spindrift pages Nor for the towering dead With their nightingales and psalms But for the lovers, their arms Round the griefs of the ages, Who pay no praise or wages Nor heed my craft or art'.

Дословный (фразовый перевод) здесь такой: «Не для гордеца в отдалении Из яростной луны я пишу на тех страницах морской пены Не для возвышающихся покойников С их соловьями и псалмами Но для влюбленных, их рук Вокруг горестей всех веков, Которые не похвалят и не заплатят Не обратят внимание на мое ремесло или искусство».

Перевод поэтический: «Не для гордецов, свысока взирающих В ярости лунной пишу Пенной моря вскипающей Не для идолов прошлых — дышу С их соловьями и псалмами Но для тех, кто *разжав кулаки*, Обнимает *веков распятия*, И в пылу любовной тоски, из которых Никто не оплатит мне ни секунды Из солнечных снов, И не вспомнит в мгновенье приятия Моих стихов».

Наверняка, придирчивые критики и взыскательные читатели обратят внимание на некоторые добавленные «красивости». Но при переводе я почувствовал, что здесь стоило чуть расширить проблематику, поэтому и появился во второй части образ распятия, а в первой части стиха фраза «раем потерянным».

'O make me a mask' — «О, дайте мне маску», впервые опубликовано в 1938 году и позднее включилось в сборники «Карта любви» 'The Map of Love' (1939) и «Сборник стихов» 'Collected Poems' (1953).

В этом стихотворении определение качества маски, будь то социальные или (в поэзии) формальное, вступает в конфликт с неясностью самого процесса самоопределения, который может продолжаться бесконечно. Кто должен дать маску? Какую маску? Стихотворение не дает ответов на эти вопросы. Перевод выполнен был мной по наитию, интуитивно, ощупью, в темноте.

DYLAN Thomas
CLOWN IN THE MOON

My tears are like the quiet drift
Of petals from some magic rose;
And all my grief flows from the rift
Of unremembered skies and snows.

I think, that if I touched the earth,
It would crumble;
It is so sad and beautiful,
So tremulously like a dream.

ДИЛАН Томас
КЛОУН С ЛУНЫ

Мои слёзы парят в эфире
Лепестками магической розы;
И печаль течёт из надрыва
Позабытой лазури морозной.

И, мне кажется, если б коснулся земли я,
Она бы распалась;
Так прекрасно и невыносимо,
Как мечта в лунном мерцании.

IN MY CRAFT OR SULLEN ART

In my craft or sullen art
Exercised in the still night
When only the moon rages
And the lovers lie abed
With all their griefs in their arms
I labour by singing light
Not for ambition or bread
Or the strut and trade of charms
On the ivory stages
But for the common wages
Of their most secret heart.

Not for the proud man apart
From the raging moon I write
On these spindrift pages
Nor for the towering dead
With their nightingales and psalms
But for the lovers, their arms
Round the griefs of the ages,
Who pay no praise or wages
Nor heed my craft or art

МОЁ РЕМЕСЛО ИЛИ ПЕЧАЛЬ ИСКУССТВА

В моем ремесле печаль искусства

Тихой ночи
Когда луна лает от грусти
А слюна горчит
На губах раем потерянным
Отлюбивших на простыне
Я льюсь в сиянии пения
Не ради славы, не на дне
Самодовольства торговца чарами
Аквариумного волшебства
Но за обычную плату
Таинства их естества.

Не для гордецов, свысока взирающих
В ярости лунной пишу
Пеной моря вскипающей
Не для идолов прошлых - дышу
С их соловьями в объятиях
Но для тех, кто разжав кулаки,
Обнимает веков распятия,
И в пылу любовной тоски, из которых
Никто не оплатит мне ни секунды
Из солнечных снов,
И не вспомнит в мгновенье притяия
Моих стихов.

O MAKE ME A MASK

O make me a mask and a wall to shut from your spies
Of the sharp, enamelled eyes and the spectacled claws
Rape and rebellion in the nurseries of my face,
Gag of dumbstruck tree to block from bare enemies
The bayonet tongue in this undefended prayerpiece,
The present mouth, and the sweetly blown trumpet
of lies,
Shaped in old armour and oak the countenance of a dunce
To shield the glistening brain and blunt the examiners,
And a tear-stained widower grief drooped from the lashes
To veil belladonna and let the dry eyes perceive
Others betray the lamenting lies of their losses
By the curve of the nude mouth or the laugh up the sleeve.

O, ДАЙТЕ МНЕ МАСКУ

О, дайте мне маску и стены укрыться от ваших глаз,
Эмалью очков пронзающих, когтистых страз,
Скрыть бунт и насилие в мальчишестве моего лица,
Пусть как столп онемею я, зажму лезвие языка,
Обнажая врага в беззащитной мольбе,
одеревеневшим ртом, выдувая сладкую ложь на трубе,
И под дубовым забралом балды
Спрячу сверкающий ум от надзирателей,
С ресниц стекая слезами горя вдовца,
Скрою души белладонну, сухими глазами взирая,
Как предатели, ухмыляясь, ловко оплакивают потери,
Про себя от смеха давясь...

Всемирную известность классику английской литературы Дэвиду Герберту Лоуренсу (1885-1930) принес роман «Любовник леди Чаттерлей» ('Lady Chatterley's Lover'), который был опубликован в частном издательстве в 1928 году (полностью роман был опубликован в Англии лишь тридцать лет спустя, после запрета на издание его на основании

непристойности). Роман унікален своїм психологізмом. Трудно повірити, що автор-мужчина так тонко і детально зміг передати почуття жінки. Відомий Д.Г. Лоуренс і як поет. Уже збірник віршів «Смотри! Мы справились!» ('Look! We Have Come Through' 1917) був відзначений читачами публікою. Лоуренс розробив власну, оригінальну поезію, близьку до поезії імажистів.

«Любовне терпіння слона» ('The elephant is slow to mate') одне з багатьох у Лоуренса віршів про тварин (див., наприклад, його «Кенгуру» - 'Kangaroo' (1923), збірник віршів «Черепахи» - 'Tortoise' (1921), збірник віршів «Пташки, звіри і квіти» - 'Birds, beasts and flowers' (1923).

Автор дуже незвично і красиво описує, як «з'єднуються подружжя слонів» — одне з значень англійського слова mate. В назві у Лоуренса відкривається цікава річ, пов'язана з структурою англійського речення. 'The elephant is slow to mate' — «Слон змушений (має, йому доведеться) повільно, терпляче з'єднатися (влюблятися, спаритися і т.д.)». В вірші лейтмотив «терпіння», «сдерживання», «необхідності вчекавати» повторюється багаторазово, тому я і використав саме це значення слова mate в назві вірша: «Любовне терпіння слона».

Незвичайна структура вірша, це поєднання довгих і коротких рядків, плавного і швидкопливного течія вірша. Зверніть увагу, що в англійському оригіналі голосні, в більшості своєму, — це довгі голосні, крім як в фразі 'dash in panic' «кинутися в паніку». Якщо читати вслух це віршове речення по-англійськи, то можна почути незвичайний змінюваний ритм вірша, то швидкопливний, то текучий, і якщо продовжити, як вони є в вірші, всі довгі звуки в англійських словах, то читання може затягнутися, то єсть фізично відчути це «терпіння».

Можливо, в цьому вірші Лоуренс говорить взагалі не про любов слонів, а про любов дорослих, мудрих людей, або взагалі про таку любов, любов, без поспіху, без суети, щоб в «блаженстві повільно розчинитися, увійти в любовний потік». Хоча, може, Лоуренс взагалі і не це мав на увазі, а просто святкував свою любов, і то, як він вмів і хотів любити сам.

Віршове речення «Спасіння» 'Nothing to save' (1930) лише трохи відображає стан, в якому перебував Лоуренс останні місяці свого життя, помираючи від туберкульозу. Наперекор всьому, як ніколи раніше глибоко, всім серцем, він відчував захоплююче чудо життя, проявляючи незвичайну витривалість, і продовжував до самого останнього дня утверджувати непереможну красу світу. Учтивий контекст написання вірша, я вирішив назвати його «от протилежного»: «Спасіння».

DH LAWRENCE
THE ELEPHANT IS SLOW TO MATE

The elephant, the huge old beast,
is slow to mate;
he finds a female, they show no haste
they wait

for the sympathy in their vast shy hearts
slowly, slowly to rouse
as they loiter along the river-beds
and drink and browse

and dash in panic through the brake
of forest with the herd,
and sleep in massive silence, and wake
together, without a word.

So slowly the great hot elephant hearts
grow full of desire,
and the great beasts mate in secret at last,
hiding their fire.

Oldest they are and the wisest of beasts
so they know at last
how to wait for the loneliest of feasts
for the full repast.

They do not snatch, they do not tear;
their massive blood
moves as the moon-tides, near, more near
till they touch in flood.

Д.Г. ЛОУРЕНС
ЛЮБОВНЕ ТЕРПІННЯ СЛОНА

Слон — древній гігантський звір,
довго пару собі підбирає;
він знаходить подружку, і вони терплять,
вони чекають,

коли любов в безбережних серцях
повільно пробудиться,
пока вони гуляють вздовж русел рек
і ощипують листя,

і в паніку кидаються через ліс
разом з стадом,
і сплять в величезній безмовності небес,
прокидаючись, в мовчанні поряд.

І так гарячо їх великі серця
наконець розпалюються,
що гіганти сливаються без кінця,
в таємному вогні ховаються.

Старші і наймудріші з звірів
вони знають, як продовжити пристрасть,
растягуючи задоволення морей,
щоб попірвати владу.

Вони не кидаються, не виставляючи;
їх величезний кровний потік
в блаженстві повільно розчиняється,
пока вони входять в любовний потік.

NOTHING TO SAVE

There is nothing to save, now all is lost,
but a tiny core of stillness in the heart
like the eye of a violet.

СПАСЕНИЕ

Не спасти уже, всё потеряно,
Только капелька в сердце безмолвия
Набухает фиалковым цветом.

Рассмотрев в данной статье особенности поэтического перевода в его творческо-психологическом аспекте, необходимо отметить, что при переводе, я стремился передать именно музыкально-образный строй текста оригинала, а не сугубо формальные внешние признаки стихотворного текста, и во многом руководствовался именно этим принципом при отборе поэтических текстов для перевода.

И, хотя, конечно же, это не может быть правилом для каждого переводчика, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что довольно часто отбор текста для перевода осуществляется переводчиком бессознательно, и что именно собственный стиль самого переводчика диктует именно тот напряженный, экзистенциальный художественный выбор текста оригинала, который является своеобразным иноязычным отражением духовных, творческих исканий, пристрастий и вкуса самого переводчика, который бессознательно отбирает тексты уже заведомо с определенным стилем и интонацией, «заряженных» определенной энергией, которую потом осознанно воплощает в новую реальность на своем родном языке.

Форма чужого стиха ограничивает, но горит, переливается, искрится твоё слово в сосуде другой формы. Сотворчество. Но неуловимо. Данность другой души, её энергия, её вечная энергия, воплощенная в слове, она живёт, дышит уже своей жизнью, попробуй тут передай сущность, дух оригинала, и выдай суть, ритм, вкус, цвет, запах твоего языка, сознания, твоего Бога, твоей Любви, Веры...

Леонтьев О.Н. Особенности поэтического перевода. — Статья.

Анотація. В статті подано огляд перекладів англomовних поетичних творів 16-20 ст., проаналізовано особливості поетичного перекладу в «творчо-технологічному» аспекті, с точки зору безпосередньо автора-перекладача.

Ключові слова: поезія, переклад, художній переклад, вибір твору для перекладу, співтворчість.

Leontyev A. Peculiarities of Translating Poetry. — Article.

Summary. The choice of the original piece of literary art for translation is discussed from the point of view of a translator. The article focuses upon the dilemma of art and technology of the translation process as an act of co-creation.

Key words: artistic translation, poetry, choice, co-creation.